

Кто бы мог подумать, что в одном человеке может таиться столько слёз, а за негромким плачем — столько скопившейся обиды.

Рубашка Чжоу Цзыфэя на груди совсем промокла. Одной рукой он обнимал всё ещё мелко дрожащие плечи Шэнь Цзя, а пальцы другой ласково пробивали себе путь сквозь шелковистые пряди на его макушке.

Плач Шэнь Цзя постепенно утихал, переходя в прерывистые всхлипы, но он всё равно не желал поднять голову от этой тёплой груди. Вцепившись пальцами в чужую одежду, он уткнулся лбом в ключицу Чжоу Цзыфэя, позволяя исходящему от кожи теплу успокаивать жгучую боль в воспалённых глазах.

— Я... я правда настолько хорош?

«Неужели в твоих глазах я и впрямь самый храбрый и самый добрый человек на свете? Ты правда любишь меня просто за то, что я есть, а не ради чего-то ещё?»

Глухой, охрипший голос доносился откуда-то снизу. В этих тихих сомневающих словах Чжоу Цзыфэй снова уловил затаённую, робкую проверку.

— Конечно, сокровище. Ты замечательный, просто сам до сих пор этого не замечаешь.

Чжоу Цзыфэй подхватил Шэнь Цзя под спину и бёдра, слегка потянув вверх, и легко пересадил к себе на колени. Откинувшись на изголовье кровати, он бережно зажал в ладонях его заплаканное лицо, достал салфетку и стал предельно осторожно вытирать мокрые дорожки.

Мягкая бумага скользила по влажным щекам, и с каждым движением на кожу оседало его тёплое, нежное дыхание.

— Но ничего страшного. Мы с доктором тебя научим. Ты и сам попробуешь замечать в себе всё самое хорошее, ладно, сокровище?

Чжоу Цзыфэй говорил так, будто утешал маленького ребёнка. Когда он называл Шэнь Цзя своим сокровищем, его резкие, хищные черты лица мгновенно смягчались.

Каждый раз, слыша это ласковое обращение, Шэнь Цзя чувствовал себя совсем крошечным — настолько, что мог свернуться клубком в ладонях Чжоу Цзыфэя, укрывшись от любых невзгод. И что бы ни происходило снаружи, под этой защитой он мог оставаться малышом, которому ни о чём не нужно беспокоиться, а лишь от чистого сердца принимать любовь.

— У меня не получится...

Шэнь Цзя с головой уткнулся в его грудь, растрепав и без того взъерошенные волосы, и досадно, с лёгкой обидой пробормотал:

Он ведь уже давно не тот Шэнь Цзя, которого Чжоу Цзыфэй встретил много лет назад. У него ничего не получается, он не способен контролировать собственные эмоции, слёзы вечно опережают слова, а мужество, которым он когда-то обладал, утекло сквозь пальцы словно песок, и вернуть его уже невозможно.

И всё же...

Это объятие было настолько тёплым, а грудь — такой надёжной, что Шэнь Цзя снова ощутил под ногами опору. Пусть каждый шаг к цели давался с огромным трудом, теперь это не казалось невозможным.

Как и прежде, стоит Чжоу Цзыфэю оказаться рядом, в душе Шэнь Цзя поднимал голову тихий голос: нужно постараться стать лучше, нужно стать достойнее этого человека.

— Ничего подобного, сокровище. Ты и сейчас со всем отлично справляешься.

Чжоу Цзыфэй с улыбкой погладил его по голове и припал губами к вспыхнувшей щеке, которую Шэнь Цзя сам же и натер, пока тёрся о его рубашку. Затем он взял его за руку и стал загибать тонкие, мягкие пальцы, подсчитывая:

— Сказал, что пойдёшь к врачу — и пошёл, ни разу не передумал перед самым выходом.

— Лекарства пьёшь вовремя, мужу даже напоминать не приходится: сам каждый день берёшь стакан с водой.

— Ешь в последнее время просто отлично. Что муж положит в пиалу, то и съедаешь, не упрямись и не молчишь, как раньше.

— А со сном вообще красота: если не можешь уснуть, зовёшь мужа, а не мучаешься в одиночестве до самого рассвета.

Договорив, Чжоу Цзыфэй наклонился и любяще прикусил кончик носа Шэнь Цзя, а затем, соприкоснувшись с ним носами, лукаво похвалил:

— Разве это не здорово? Ты у меня самый послушный и замечательный малыш. В твоём детском саду все ребята вместе взятые Учителю Шэню уступают!

Встретившись с гордым и сияющим взглядом Чжоу Цзыфэя — будто тот только что выиграл чемпионат мира из-за такой мелочи, — Шэнь Цзя густо покраснел. Его ресницы затрепетали,

щеки вспыхнули от смущения, и он, окончательно растерявшись, попытался оттолкнуть мужчину.

— Ну что ты такое говоришь... Вечно выдумываешь всякую глупость...

Грудь под его ладонями вдруг тихо завибрировала от низкого смеха, раздавшегося над самым ухом. От этого звука у Шэнь Цзя мгновенно пропали все силы, и руки, которыми он собирался оттолкнуть Чжоу Цзыфэя, так и остались бессильно лежать на его тёплой груди.

Шэнь Цзя прижался к Чжоу Цзыфэю, резким движением отвернув голову и выставив напоказ лишь пылающий алый профиль.

Он покусывал губу, злясь на собственную слабость: стоит этому человеку пару раз рассмеяться, как сердце пускается вскачь, ноги отнимаются, и пропадает всякое желание выбираться из его объятий.

— Для других это, может, и мелочи, но для меня сейчас нет ничего важнее.

Чжоу Цзыфэй наклонился, уткнулся лицом в белоснежную, испещрённую аленькими отметинами шею и глубоко вдохнул родной запах. Сжав объятия вокруг тонкой талии, он не удержался и ласково провел ладонью по мягкому животу, мерно поднимавшемуся в такт дыханию.

Для Чжоу Цзыфэя одного того, что Шэнь Цзя охотно лечился, нормально ел и спал, было более чем достаточно.

Сам факт того, что он смог найти Шэнь Цзя, казался небывалым чудом. Когда они стали встречаться, Чжоу Цзыфэю казалось, что ради этого момента стоило прожить жизнь. А теперь, когда Шэнь Цзя заболел и прекрасный цветок увядал прямо на глазах...

Теперь он думал лишь об одном: пусть Шэнь Цзя будет здоров. Если он будет здоров, больше ничего не нужно.

В те нескончаемые ночи, когда Шэнь Цзя не мог уснуть и тихо плакал от бессилия, Чжоу Цзыфэю оставалось лишь поглаживать его исхудавшую спину и молиться небесам:

«Дай моему сокровищу выпасться. Пусть он хотя бы просто поспит спокойно».

Вспомнив об этом, Чжоу Цзыфэй снова обеспокоенно подумал: правильно ли он сделал, рассказав Шэнь Цзя об их прошлом? Не станет ли это для него новым бременем?

Любить чувствительного котёнка непросто: дашь слишком много — испугается и убежит, дашь

слишком мало — почувствует себя незащищённым. Чжоу Цзыфэй до сих пор осторожно отмерял каждую крупицу этой любви.

— Только ты можешь так думать... — едва слышно пробормотал Шэнь Цзя, положив ладонь на руку Чжоу Цзыфэя.

Кто ещё в этом мире способен из-за детского спасения упрямо искать человека долгие годы и даже отдать ему всю оставшуюся жизнь?

— Если спросить других, у Учителя Шэня наберётся столько достоинств, что перечислять устанешь, — Чжоу Цзыфэй понимал, что избавиться от вьёвшегося самоедства за один день не получится; тут требовалось терпение. — Через пару дней, когда тебе станет получше, давай позовём гостей? Тех самых Учителя Цзян и Учителя Ли, о которых ты часто рассказываешь. Послушаем, что они скажут, а?

Услышав это, Шэнь Цзя мгновенно развернулся и панически замахал руками:

— Нет! Я не могу их видеть!

Он всё ещё болен, да и выглядит просто ужасно...

Шэнь Цзя неосознанно коснулся своего запястья: выпирающие косточки резко выделялись под тонкой кожей, выдавая болезненную худобу.

— Малыш, не думай о том, можешь ты или нет.

Чжоу Цзыфэй сжал пальцами подбородок Шэнь Цзя и запечатлел на его прохладных губах успокаивающий поцелуй, шепча:

— Ты только скажи мужу: ты сам хочешь их видеть?

Шэнь Цзя закусил губу и опустил глаза, упрямо молча.

«Хочу. Конечно же, хочу!»

Сколько раз он вспоминал тех озорных ребятишек из своего садика! Ему хотелось узнать, хорошо ли Цзян Хэ справляется с заменой, хотелось поддержать Учителя Ли, которой вот-вот предстояло рожать.

Все эти набранные и стёртые сообщения, все ночные просмотры ленты новостей — за этим скрывалась неозвученная тоска.

Но он боялся.

Боялся разочаровать их своим паршивым видом, боялся, что с трудом обречённая дружба развалится из-за его неуклюжести.

Годы, потраченные исключительно на брак и Юй Сяньхана, заставили его забыть, как естественным образом поддерживать отношения. И теперь он судорожно сжимал в кулаке эту хрупкую теплоту, до смерти боясь её выронить.

Видя, как Шэнь Цзя понурил голову и молчит, Чжоу Цзыфэй ощутил укол в сердце. Он понимал всю его тревогу и всё, что кроется за этим молчанием.

Он уже собрался обнять его и предложить отложить всё на потом, как вдруг Шэнь Цзя поднял голову и серьёзно произнёс:

— Я хочу их видеть.

Если Чжоу Цзыфэй пришёл в этот мир ради него, то ради чего пришёл сам Шэнь Цзя?

Раньше ему казалось, что весь смысл его жизни заключается в том, чтобы построить счастливую семью с Юй Сяньханом. Но когда брак распался, мир не рухнул.

Он встретил Чжоу Цзыфэя, обрёл искренних друзей и постепенно осознал: его жизнь не должна существовать лишь ради чужого счастья, и уж тем более она не теряет смысла из-за чьего-то ухода.

Начиная с той далёкой ночи, когда Лу Хэ решила оставить его себе, и заканчивая тем летним вечером, когда его предал Юй Сяньхан, каждый шаг был пропитан болью. И всё же он выстоял. Он стоит здесь, дышит и продолжает бороться.

Возможно, Чжоу Цзыфэй прав, и он действительно молодец? Ведь вырасти сильным человеком — это совсем не просто.

«Так что, Шэнь Цзя, будь ещё капельку храбрее».

У него есть любящий избранник, есть друзья, которые о нём беспокоятся, он окружён такой искренней теплотой — чего ему бояться?

— Я хочу с ними встретиться. Муж, я правда хочу их видеть.

Шэнь Цзя повернулся и сел напротив Чжоу Цзыфэя. Будто подбадривая самого себя, он сжал

пальцы в кулачки и положил их на колени, сделав предельно серьёзное лицо. Едва заметным, мягким голосом он назвал Чжоу Цзыфэя мужем, ещё раз подчёркивая своё решение.

Чжоу Цзыфэй на мгновение опешил, но накопившаяся на душе тревога растаяла, как весенний снег, превратившись в сладкий и горячий поток. Одно лишь намерение Шэнь Цзя заставило его сердце трепетать.

Шэнь Цзя не был беспомощной повиликой, ищущей чужую опору. Он был дикой травой, что растёт под проливным дождём и шквалистым ветром: да, она может приникнуть к земле от удара, но затем снова распрямит стебель, являя миру непреклонную силу жизни.

Эта трава укоренилась в самом его сердце, и теперь, политая любовью, готова была расцвести.

Чжоу Цзыфэй смотрел на него с бесконечной нежностью — до тех пор, пока Шэнь Цзя не смутился окончательно и не отвёл взгляд.

— Что такое? — тихо спросил Шэнь Цзя.

Чжоу Цзыфэй медленно раскрыл объятия и прижал его к себе, полностью укрывая худенькое тело.

— Ничего. Просто подумал...

Губы Чжоу Цзыфэя коснулись мочки его уха, запечатлев нежный, пристрастный поцелуй.

А затем раздался его низкий, бархатистый голос, преисполненный сбивающей с ног любви:

— Малыш, какое же это счастье — снова встретить тебя.

\*\*\*

Дзинь-дон.

Внезапная трель дверного звонка заставила Шэнь Цзя, который с прикрытыми глазами тихонечко постанывал от ласк, испуганно закусить губу. Он вскинул глаза и от неожиданности лягнул ногой — словно котёнок, которого схватили за шкурку.

Бабах!

Застигнутый врасплох Чжоу Цзыфэй вылетел прямо с дивана на пол.

— Ши-и-и... Кхм-кхм! Малыш, откуда в тебе столько силы?!

Чжоу Цзыфэй прошипел от боли и, держась за ушибленную грудь, несколько раз кашлянул. Его голос всё ещё звучал охрипшим от недавней страсти.

Шэнь Цзя мгновенно подскочил на диване. Забыв о том, что одежда на нём полураспахнута, он кинулся к Чжоу Цзыфэю:

— Извини! Цзыфэй, ты цел?!

Он опустился на колени у края дивана, пытаясь помочь ему подняться. Чжоу Цзыфэй, потирая грудь, поднял правую руку, но вместо ладони Шэнь Цзя схватил виляющий перед его лицом кошачий хвост-пробку.

— М-м-м!..

Шэнь Цзя тут же обессиленно повалился прямо на крепкое плечо Чжоу Цзыфэя, вцепившись обеими руками в его предплечье. Но мужчина и не думал останавливаться — его рука быстро и ритмично задвигалась, заставляя Шэнь Цзя сбиваться с дыхания и со слезами молить отпустить его:

— Отпусти... Не надо... Там же... снаружи...

Чжоу Цзыфэй пропускал его мольбы мимо ушей. Весь покрытый потом, в намокшей на спине футболке, он процедил сквозь зубы прямо в ухо Шэнь Цзя:

— Сначала я помогу тебе закончить.

Он не собирался показывать Шэнь Цзя гостям с нерастраченной страстью во взгляде. Один бог ведал, как пленительно тот выглядел на грани разрядки: влажные, подёрнутые дымкой глаза, алые, налитые соком губы и пылающий румянец на щеках... От одних этих воспоминаний хватка Чжоу Цзыфэя стала ещё жестче.

Лишь когда густая взбитая пена наконец превратилась в солёные сливки, Чжоу Цзыфэй отпустил свою добычу. Шэнь Цзя, измазав ему всё плечо слёзами и слюной, потерял способность издавать хоть какие-то звуки. Он беспомощно лежал на диване, остекленевшим взглядом наблюдая за тем, как Чжоу Цзыфэй наводит порядок, а затем подхватывает его на руки и несёт в ванную.

— М-муж... быстрее...

Чжоу Цзыфэй, отмывавший кошачий хвостик, запнулся. С улыбкой посмотрев на парня, он

спросил:

— Сокровище, всё уже закончилось. Ты что, до сих пор в себя не пришёл?

Шэнь Цзя сгорал от смущения. Сжав запястье Чжоу Цзыфэя, держащего полотенце, он еле слышно пролепетал:

— Я... я про то, чтобы ты быстрее мылся... Они же ждут снаружи...

Чжоу Цзыфэй прищурился и с наигранной суровостью подтёр его полотенцем, отчего Шэнь Цзя вздрогнул:

— Муж ради тебя старается, а ты ещё и торопишь? Будешь возмущаться — в следующий раз сам себе задницу мыть будешь.

Услышав это, Шэнь Цзя притих. После всего произошедшего у него совершенно не осталось сил — ноги и руки были как ватные, так что гигиенические процедуры лучше было переложить на Чжоу Цзыфэя.

— Ну всё, давай надевать штаны.

Чжоу Цзыфэй натянул на него домашние брюки, затем быстро застирал испачканную одежду и повесил её на сушилку.

— Пошли открывать.

В это время Цзян Хэ, уже собравшийся повторно нажать на кнопку звонка, наконец дождался, пока дверь откроется.

— Учитель Шэнь, ну наконец-то! Я уж думал, сдуюсь тут!

Звонкий голос Цзян Хэ огласил коридор. В руках он держал две увесистые корзины с фруктами и, несмотря на зимний холод, успел взмокнуть.

— Прости, проходи скорее... — Шэнь Цзя поспешно замялся у двери, протягивая руки за корзинами, но из-за его спины высунулась крепкая рука Чжоу Цзыфэя.

— Вы, должно быть, Учитель Цзян? Зачем же принесли столько всего, не стоило так тратиться, — Чжоу Цзыфэй легко подхватил обе корзины, подал тапочки и дружелюбно улыбнулся.

Цзян Хэ, увидав красноволосого молодого человека в точно таких же домашних пижамах, как у

Шэнь Цзя, опешил:

— Ты... Как это ты?! Ты же родственник Чжоу Цзяи, почему ты живёшь у Учителя Шэня?!

Цзян Хэ переводил взгляд с одного на другого, но, заметив их одинаковую одежду и то, как Шэнь Цзя бессознательно прижимается к Чжоу Цзыфэю, быстро всё понял:

— Вы... Вы что, не просто встречаетесь, а ещё и съехались?!

Услышав слово «съехались», Шэнь Цзя почувствовал, как запылали кончики ушей, и бросил быстрый взгляд на Чжоу Цзыфэя.

Они никогда не обсуждали этот вопрос напрямую. Просто стоило им начать встречаться, как Чжоу Цзыфэй под самыми разными предложениями абсолютно естественно переселился в его кровать. А Шэнь Цзя не стал его прогонять. Без лишних слов они оба приняли это как должное.

Но сейчас, когда кто-то произнёс это вслух, Шэнь Цзя вдруг осознал: они ведь и правда живут вместе уже несколько месяцев. Они стали настолько близки.

Чжоу Цзыфэй поставил корзины на обувную тумбу и, обняв Шэнь Цзя за плечо, по-хозяйски протянул руку Цзян Хэ:

— Здравствуйте, Учитель Цзян. Я дядя Чжоу Цзяи, меня зовут Чжоу Цзыфэй. И да, мы с Шэнь Цзя партнеры. Очень рад знакомству.

Шэнь Цзя почувствовал, как чужая ладонь слегка сжала его плечо — Чжоу Цзыфэй словно намекал ему вступить в разговор. Повинуясь импульсу, он плотнее прижался к его тёплому боку и, виновато посмотрев на Цзян Хэ, произнёс:

— Извини, Учитель Цзян... На самом деле мы с... с ним вместе уже больше двух месяцев. Я не говорил раньше, потому что боялся, что ты подумаешь...

— Нет-нет-нет, Учитель Шэнь, тебе абсолютно незачем извиняться! Я просто немного удивлён. Но я от всего сердца рад за тебя! За то, что ты смог двигаться дальше и построить стабильные отношения!

Цзян Хэ перебил его, активно махая руками, чтобы показать, что не держит никакой обиды. Затем он пожал руку Чжоу Цзыфэя и искренне вздохнул:

— Встречаться с Учителем Шэнем — огромное счастье. Вам очень повезло, господин Чжоу.

Чжоу Цзыфэй расплылся в улыбке и кивнул:

— Мне действительно неслыханно повезло. Проходите в комнату, в прихожей прохладно.

Он пригласил гостя войти. Все трое направились в гостиную, по пути обмениваясь фразами.

— Учитель Цзян, а почему ты один? Где Учитель Ли?

— А, она собиралась идти со мной, но её перехватил кто-то из родителей учеников, так что она попросила меня идти вперёд.

— И она пойдёт одна?

— Не волнуйся, её привезёт муж. Она же беременна, так что муж сейчас работает у неё личным водителем.

Шэнь Цзя облегчённо кивнул. Но тут Цзян Хэ хлопнул себя по лбу, словно только что вспомнил что-то важное:

— Кстати, Учитель Шэнь! Сегодня после занятий в садик приходил некий господин Юй. Сказал, что он твой друг, недавно уволился и хочет встретиться, но у него нет твоих контактов.

Шэнь Цзя замер на месте. Чжоу Цзыфэй насупился и незаметно взглянул на него; в его глазах вспыхнула тревога, а сердце взлетело к самому горлу.

— А... это он... Наверное, пришёл денег одолжить. Не обращай внимания, — спокойно ответил Шэнь Цзя.

— Я так и подумал! Какой ещё «друг», у которого даже номера нет? Хорошо, что я проявил осторожность и не проговорился, что тебя нет в садике, и номер не дал.

Шэнь Цзя вдруг кое-что осознал и с беспокойностью спросил:

— Он... он ведь не помешал вашей работе? Если он что-то устроил, ты обязательно скажи!

— Да нет, ничего такого. Просто выглядел он ужасно потрепанным, будто с кем-то подрался...

Услышав, что Юй Сянхан ничего не натворил, Шэнь Цзя немного успокоился, но всё же строго добавил:

— В следующий раз лучше сразу зовите охрану, чтобы его не пускали. В саду много детей, не дай бог что-то случится.

Юй Сяньхан был человеком неуравновешенным, и Шэнь Цзя страшился даже думать о том, на что тот способен в порыве гнева.

Чжоу Цзыфэй, видя, что Шэнь Цзя остаётся абсолютно успешен и холоден, наконец выдохнул. А когда услышал его наказ вызвать охрану, чуть не прыснул со смеху от хлынувшего облегчения.

Не теряя времени, Чжоу Цзыфэй ушёл на кухню готовить ужин, оставив гостиную Шэнь Цзя и Цзян Хэ.

Вскоре раздался звонок от Учителя Ли: она запуталась во дворах, и её нужно было встретить. На улице стоял лютый мороз, поэтому Чжоу Цзыфэй не позволил Шэнь Цзя выходить, велел ему оставаться дома, а сам отправился вниз.

— Сокровище, вы пока почистите овощи с Учителем Цзян, хорошо? Чтобы мы быстрее поужинали, когда я вернусь.

Чжоу Цзыфэй наклонился, позволив Шэнь Цзя поправить на нём серый шарф.

— Хорошо.

Шэнь Цзя приподнялся на носочки и, сжав пальцами концы шарфа, мягко коснулся губами губ Чжоу Цзыфэя.

— Спасибо за ужин, муж...

Его глаза блестели от влаги, щеки горели румянцем предвкушения. Чжоу Цзыфэй перехватил инициативу и прикусил его алые губы, шепча сквозь обжигающее дыхание:

— За обычный ужин я такой награды что-то не получаю.

— Сегодня... ты особенно постарался.

Шэнь Цзя закусил губу, еще сильнее сжав шарф.

— Нароботался я знатно. Одного поцелуя, пожалуй, маловато будет? — с прозрачным намёком спросил Чжоу Цзыфэй.

Шэнь Цзя почувствовал, как щеки вспыхивают ещё сильнее. Он обнял Чжоу Цзыфэя за шею и тихо прошептал ему на ухо:

— Тогда... сегодня ночью я покатаю мужа верхом...

Эту фразу Чжоу Цзыфэй произнёс во время одной из их интимных ночей, когда, сжав в кулаке его длинные волосы, с улыбкой спросил: «Сокровище же у нас маленькая лошадка, любит, когда его держат за гриву и катаются верхом?»

Услышав это воспоминание, Чжоу Цзыфэй весь окаменел, выдав сквозь зубы сочное ругательство.

Он с силой сжал подбородок этой совсем избаловавшейся кошки и предупредил:

— Сегодня ночью ты всю кровать слёзами затопишь, а пощады от меня не жди.

\*\*\*

— Учитель Шэнь, у вас с вашим парнем такие трогательные отношения... — вздохнул Цзян Хэ, стоя у раковины.

Чжоу Цзыфэй всего лишь вышел на улицу, а Шэнь Цзя пошёл его провожать и пропадал у двери добрых пять минут. Это уже не просто нежность, это настоящая приставучесть.

Шэнь Цзя смущенно улыбнулся и тихонько хмыкнул, пытаясь скрыть радость.

Глядя на него, Цзян Хэ невольно вздохнул про себя. Учитель Шэнь увяз по уши.

Как друг, он, разумеется, радовался за него: тому, кто разделит жизнь с Шэнь Цзя, невероятно повезёт. Видеть, как тот выкарабкивается из мрака прежнего брака и открывает сердце новым чувствам, было настоящим облегчением.

И всё же в самом дальнем уголке души ещё теплилось прежнее, так и не озвученное чувство, отдавая легкой горчинкой.

Помолчав, Цзян Хэ тихо спросил:

— Шэнь Цзя... ты с ним счастлив?

Перестал ли ты часами смотреть в окно, окутанный непроглядным одиночеством? Перестал ли отталкивать тех, кто пытается подойти ближе? Смог ли этот человек исцелить твои тайные

раны и вернуть тебе улыбку?

Цзян Хэ стоял, опустив голову и не смея поднять глаз, боясь выдать своё легкое сожаление.

Услышав своё полное имя и столь личный вопрос, Шэнь Цзя немного удивился и посмотрел на приятеля. Тот всё так же усердно мыл овощи, не поднимая головы.

Подумав немного, Шэнь Цзя решил ответить искренне:

— Бывает счастье, бывают и хлопоты. Но с Чжоу Цзыфэем счастье всегда перевешивает. Мы даже ссорились... Но, к счастью, он никогда не соглашался отпустить меня по-настоящему. Раньше мне казалось, что идеальные отношения — это когда нет ссор и споров. А теперь я понял: иногда поворчать друг на друга, а потом быть с любовью утешенным... это тоже счастье.

Слушая эту искреннюю радость в его голосе, Цзян Хэ поднял взгляд. Ему до безумия хотелось увидеть, с каким лицом Шэнь Цзя говорит о своём счастье.

Под ярким светом кухонной лампы профиль Шэнь Цзя казался невероятно мягким. Губы были тронуты улыбкой, а изгиб бровей выражал умиротворение. И хотя длинные ресницы скрывали взгляд, Цзян Хэ точно знал: эти глаза лучатся светом.

Вот оно как.

Оказывается, вечно сдержанный и невероятно вежливый Учитель Шэнь тоже умеет со смехом говорить: «Поругаться — это тоже счастье».

\*\*\*

Ужин прошёл на ура. Шэнь Цзя весь вечер улыбался, и его бледные щеки впервые за долгое время окрасились румянцем, словно спелые яблоки. Видя, как он окреп и посвежел, остальные трое тоже прониклись общим весельем.

— Учитель Шэнь, как ты себя чувствуешь в последнее время? — спросила Учитель Ли, когда они прощались.

Шэнь Цзя и Чжоу Цзыфэй вышли проводить гостей. Чжоу Цзыфэй отправился на парковку за машиной, Цзян Хэ пошёл к воротам встретить мужа Учителя Ли, а сам Шэнь Цзя остался стоять с ней у подъезда.

— Мне намного лучше. А как вы, Учитель Ли? Кажется, уже восьмой месяц? Должно быть, очень тяжело?

Шэнь Цзя питал глубокое уважение ко всем беременным женщинам, считая их невероятно мужественными. Ведь выносить и родить ребёнка — это огромный труд.

— Немного тяжело, этот малыш у меня ужасно буйный, — с улыбкой ответила Учитель Ли, поглаживая округлившийся живот. Обычно строгая женщина сейчас лучилась материнской нежностью.

Шэнь Цзя посмотрел на её живот. В его взгляде тоже была теплота, но с примесью едва заметной грусти.

— Учитель Шэнь, хочешь потрогать? Вдруг он тебя пнёт? — предложила она, заметив его взгляд.

— Я... пожалуй, не стоит. Вдруг малыш испугается...

— Да ну что ты, мой кроха не из пугливых! К тому же, не существует детей, которые бы не любили Учителя Шэня.

Учитель Ли взяла его за руку и положила на свой живот. Шэнь Цзя замер, не смея шелохнуться, едва касаясь ткани ладонью. И вдруг в его руку ощутимо толкнулась маленькая ножка!

— Это... — он широко раскрыл глаза и с изумлением взглянул на Учителя Ли.

Та тепло улыбнулась:

— Похоже, ты ему очень нравишься! Едва я предложила, как он сразу давай кувыркаться!

Шэнь Цзя с замиранием сердца ощущал каждый толчок.

— Учитель Шэнь, когда мой малыш подрастёт и пойдёт в садик, я обязательно отдам его в твою группу.

Шэнь Цзя растерянно посмотрел на неё. На нём была светлая пуховая куртка, волосы собраны на затылке, а в тёплом свете фонаря лицо казалось необычайно мягким и чистым.

— В мою группу?..

Глядя на его замешательство, Учитель Ли вспомнила слова, которые Чжоу Цзыфэй сказал ей перед ужином:

«Шэнь Цзя очень дорожит вашей дружбой и хочет скорее вернуться к работе. Но... его состояние всё ещё нестабильно, ему потребуется длительный отдых».

Учитель Ли догадывалась, что у Шэнь Цзя есть проблемы с ментальным здоровьем, но ей было трудно поверить, что этот всегда улыбающийся человек болен настолько серьёзно.

«Мы можем чем-то помочь?» — спросила она тогда.

И тот красноволосый парень с серьезным видом ответил ей: «Дайте ему понять, что он достоин любви. Дайте ему почувствовать, что он вам небезразличен. Шэнь Цзя просто нужны доказательства того, что у него есть причины жить дальше».

Вспомнив это, Учитель Ли накрыла ладонь Шэнь Цзя своей рукой и слегка сжала ее:

— Учитель Шэнь такой ответственный и добрый! Я уверена, что под твоим присмотром мой ребёнок вырастет замечательным человеком.

Рука под её ладонью слегка задрожала. Учитель Ли вовремя отстранилась — некоторую признательность не стоит навязывать.

— Хорошо, — Шэнь Цзя глотал слёзы, но на его лице просияла самая светлая улыбка. — Когда твой малыш подрастёт, я обязательно возьму его в свою группу.

<http://bllate.org/book/19971/1986067>